ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 340

Шапсугов Д.Ю.

О «МОГУЩЕСТВЕ» И «КОВАРСТВЕ» РАССУДОЧНОГО МЫШЛЕНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ В РАМКАХ ДИСКУССИИ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЩЕГО ПОНЯТИЯ ПРАВА

Редакция журнала с удовлетворением отмечает, что публикация статьи «Размышления о праве» получила интересный для анализа читательский отклик в виде статьи проф. С.А. Зинченко «О сущности права», опубликованной в № 4 журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» за 2012 г.

В настоящем номере публикуются размышления автора статьи, положившей начало данной дискуссии («Северо-Кавказский юридический вестник», № 3 за 2012 г.).

Научная критика как особый жанр научной литературы хотя и имеет определенные традиции в отечественной научной литературе, но концептуально не сложилась как особое направление юридических исследований. Дискуссия по поводу публикации главного редактора журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» «Размышления о праве» оправдана как акция, направленная на преодоление стереотипа: «ты не прав», «прав я», сформулировавшегося, можно сказать, на совершенно ненаучной основе. По своей сущности научная критика не есть способ определения, кто прав или неправ. Она должна быть направлена на разработку и качественное, профессиональное использование научно-исследовательских технологий, определение их допустимости при исследовании конкретных проблем. Она включает анализ процедур, связанных с определением предмета исследования, отработкой конкретных концепций и технологий самого исследования, принципов и правил изложения полученного научного результата. Хотелось бы, чтобы начавшаяся дискуссия приобрела такую направленность и такое содержание, чтобы быть плодотворной.

Нельзя забывать, что этот жанр возможно более сложен, чем обычное научное исследование уже хотя бы потому, что в качестве обязательного условия содержит в себе недопустимость оценок личности исследователя, сосредоточение исключительно на технологических аспектах исследования, представляющих собой границу, переход за которую означает использование других творческих жанров.

Такое пожелание ко всем будущим участникам дискуссии необходимо высказать по следующим причинам.

Во-первых, изложенные предельно общие требования к научной критике требуют высокого исследовательского потенциала и обширного концептуального знания затрагиваемых проблем, получающих профессиональное отражение при составлении научных текстов. Разумеется, это очень жесткое, но необходимое требование, которое на первое время, возможно, придется несколько смягчить.

Во-вторых, дискуссия должна дать материал, свидетельствующий о становлении жанра «научная критика», что составляет одну из задач дискуссии, поэтому желательны публикации на эту тему и предпочтительно из истории правовой мысли.

В-третьих, редакция предпочла бы не выступать в роли судьи, решающего соответствие конкретного представленного текста изложенным выше требованиям. Поэтому представлялось бы желательным «заведомое» соответствие текста предъявленным требованиям, чтобы избежать необходимости решать и другую проблему в том случае, если текст будет явно не соответствовать этим требованиям.

В начавшейся дискуссии по поводу возможности универсального определения общего понятия права необходимо установить исходные методологические основания. Одним из первых таких оснований является выяснение объективных возможностей метода определения понятий. Рационалистическое мышление исходит из предпосылки,

абсолютизирующей возможности метода определения понятий, полагая, что это единственный способ познания действительности, установления подлинной сущности изучаемых явлений. Оно не учитывает того, что то, что происходит в мышлении, в котором логика, опирающаяся на систему понятий, является лишь одним из способов упорядочения мышления, не обязательно происходит во всей остальной действительности. Да и многие мыслительные процессы не могут быть охвачены «прокрустовым ложем» логики.

Эти особенности мышления уже достаточно изучены отдельными учеными. Можно сослаться, в частности, на выдающегося отечественного ученого-юриста Н.Н. Алексеева, который убедительно проанализировал ограничения, присущие рассудочному мышлению, свойственному отраслевым юридическим наукам, вследствие которых, по его мнению, в их рамках невозможно формулировать общие определения права.

В силу данной особенности эти науки, предметом которых, по его мнению, является лишь установленное в законе и его интерпретация, выявив по правилам рассудочного мышления противоречие, «разрешают» его простым отбрасыванием одной стороны противоречия и объявлением другой его стороны абсолютной истиной.

Именно господством рассудочного метода в правоведении, опирающегося на «четкое» разграничение понятий, можно объяснить глубокую антагоничность точек зрения по поводу определения понятия права, существующую в современной отечественной юридической науке.

Рассудочное мышление, исходя из своей самодостаточности, изгоняет из своего арсенала противоречие, опираясь на абсолютизацию метода определения понятий. Образно говоря, таким способом оно отказывается, как минимум, от половины полученного человеческого знания, создавая иллюзию полноценности только другой его половины.

Из сказанного следует только то, что необходимо понимать реальные возможности метода определения понятий, которые, несомненно, надо использовать в процессе правового познания, не забывая о том, что только этим методом нельзя всесторонне характеризовать такое многогранное явление, как право. Здесь особенно важно подчеркнуть, что дать общее определение права перечислением юридических явлений или их комплексов, как это делают сторонники «узкой» или «широкой» трактовки права, можно только, опираясь на метод проб и ошибок, тоже имеющий своих сторонников, но вряд ли являющийся самым эффективным научным методом в общественных науках. И одной из причин явно недостаточной эффективности юридической науки является ее устремленность к разработке автономной от человека юридико-технической реальности. Ее реальный поворот к полному обслуживанию процессов формирования подлинной правовой реальности, в конечном итоге, имеет целью создание социально комфортного, нравственного и духовно богатого, экономически устойчивого, психологически стабильного мира человеческого правопорядка.

Последовательно возникавшее и часто воспроизводившиеся представления о сущности права как справедливости, затем как о свободе, равенстве и ответственности, во-первых, являются выражением социального опыта, через который осознавалась недостаточность каждого отдельного из этих принципов для выражения многогранной и развивающейся сущности права, в том числе в ее социальном и мысленном выражении. При изолированном их рассмотрении теряется их несовместимость, неоднократно отмечавшаяся разными исследователями (А-де-Токвиль, Г. Гегель, Н.Н. Алексеев и другие), что в годы революционных потрясений у разных народов четко и весьма негативно проявлялось в социальной практике.

Можно утверждать, что принципы справедливости, свободы и равенства в их обособлении друг от друга продемонстрировали свою несостоятельность в качестве полного выражения сущности права. В процессе исторического развития они прошли проверку, «перетирались» друг о друга. Целостное право возникало в «местах» их взаимной «притирки», взаимопроникновения, формирования гомеостазисного мира права, что и обусловливало бесконечность их существования в правовом сознании и проявления в социальной практике. Без так понимаемого обоснования содержания права, проявляющегося и в его сущности, невозможно представить себе и современное право. Утверждения о том, что справедливость, свобода, равенство, ответственность не имеют отношения к его сущности и потому не должны включаться в ее определение, ведут к «опустошению» права, формированию теории, очищенной от права, сводящей его к искусственному миру юридических масок и фикций.

Классическая, профессионально выполненная попытка «очистить» право от «идеологий» и «мифологий», в том числе справедливости, свободы, равенства, выразившаяся в разработке «чистого» учения о праве, убедительно подтверждает эту простую истину [1].

Вряд ли можно согласиться и с утверждением, что компонентами свободы являются справедливость, равенство, ответственность. Во-первых, в работах А-де-Токвиля, Н.Н. Алексеева, Г. Кельзена, не говоря уже о Платоне, Аристотеле, Гегеле, эти понятия тщательно проанализированы, здесь вполне обоснованы не только их несовпадение, противоречивость, но иногда даже несовместимость. В частности, это обстоятельство Г. Кельзен рассматривает как одну из причин недопустимости их использования в чистой теории права. Поэтому общее определение права не может сводить право к одному из них, но, опираясь на сам процесс их утверждения в истории политико-правовой мысли и неудачные попытки изолированно реализовать их в социальной практике разных эпох, мы неизбежно приходим к выводу, что право реально формировалось на исторических «стыках» этих принципов, в результате «шлифовки» их (взаимодействия) социальной практикой.

Здесь представляется уместным отметить, что упомянутый выше бесспорный авторитет и пока не превзойденный классик позитивистской теории права, охарактеризовавший свободу, равенство и в особенности справедливость после детального, рассудочного анализа как «лукавство вечной иллюзии», ярко продемонстрировал бессилие такой методологии перед неуклонно воспроизводящимся могуществом этих принципов и неизбежное лукавство самой теории «чистого» права, которое обязательно проявляется при соприкосновении с реальной действительностью. тщательно очищая право от свободы, равенства и справедливости, она заставляет полностью верить, что оно чистое и очень чистое.

Как говорится, игра не стоит свеч: менять наверняка не иллюзию (как это показал, например, Н.Н. Алексеев) или, по крайней мере, хорошую иллюзию на очень лукавую и очень плохую.

Этим доказывается и то, что даже рассудочное мышление, по определению строгое и бескомпромиссное, способно упорно настаивать на собственном лукавстве и собственной иллюзорности.

В нашем случае общее определение права не обособляется от особенного и единичного, а рассматривается в неразрывном единстве с ними, что означает, что и в единичном и в особенном присутствует всеобщее и во всеобщем присутствует единичное и особенное. Таким образом, определение права на этих трех уровнях строится на единстве общего, отдельного и единичного. Отдельные определения единичного, особенного и общего, отражающие их специфику, даются с учетом меры права, адекватной этому уровню. При обособленно общем определении права эта мера может быть выражена преимущественно через его главные принципы.

При обособленно особенном определении права, в зависимости от содержания конкретного особенного – особенности права данного народа или другой общности либо особенного правового института и т.п., в сравнении с другими институтами, восходящими (или причастными) к общим принципам права… При обособленно единичном определении права внимание акцентируется на свойствах и признаках конкретного правового или юридического феномена с учетом их «пронизанности» (причастности) общими принципами права. В этом случае, например, определение юридической нормы не должно ограничиваться только ее связанностью с государством по происхождению и реализации, общеобязательностью, а обязательно соотноситься со свободой, справедливостью, равенством и ответственностью как общими принципами права, присутствующими в любом элементе его структуры.

В этом случае ограниченность метода определения понятий предельно сужается, и мы получаем возможность в системе подобных определений права практически исчерпать возможности «логические познаваемого» в этой сфере. Это, конечно, не исчерпывает всего богатства права, для постижения которого надо использовать другие способы познания, что позволяет выразить сущность права в той мере, в которой она доступна человеческому сознанию вообще и отдельному исследователю, в частности.

К данной позиции примыкает и тезис о методологической упречности для понятия сущности права, позволяющий непосредственно связывать его с уровнем социокультурного развития. В нашем тексте, относящимся к данному положению, очевидно речь идет не о структуре понятия сущности права, а о праве как социальном явлении, определяемом

через диалектические категории всеобщего, особенного и единичного, как реальном воплощении свободы, справедливости, равенства и ответственности, которые, реализуясь, как подчеркивал Н.Н. Алексеев, перестают быть просто абстрактными принципами, превращаясь в реальные социальные блага. И в этом смысле они имеют содержание и форму, которые определяются объективно достигнутым уровнем социально-культурного развития, что не означает претензии формулировать общее определение права на основе только цивилизационного подхода к праву.

Еще труднее согласиться с аксиоматически сформулированным в этой связи выводом: «В сущностном определении права как всеобщности содержания представляет его форма, которая и реализует эту сущность» (с.14).

Во-первых, в отзыве отсутствует авторское определение «права как всеобщности содержания». Поэтому остается непонятным, какое содержание и какой формой представленное право реализует его сущность. Нормативистская теория права не оперирует диалектическими понятиями, а формально-логическими, рассудочными понятиями весьма проблематично определить сущность права. Как правило, профессиональные нормативисты выступают против применения в юриспруденции философских понятий, относя их к «идеологическим», призванным скрывать или искажать действительность [1, с. 4-5].

Рассудочное, нормативистское мышление, пытаясь оперировать диалектическими понятиями, склонно упрощать их содержание и взаимодействие, нередко сбиваясь к эклектике, не способной обеспечить познание целостного мира права во всем многообразии его проявлений, которое выступает как одно из важных условий высокого качества жизни современного человека.

Ключевой вопрос данной статьи – о возможности общего определения права через диалектические категории всеобщего, особенного и единичного, – видимо, станет предметом последующих обсуждений этой проблемы.

Кроме того, как минимум, спорным является тезис о реализации сущности права только через его форму. В теории права существуют понятия «формы права» и «реализации права», которые содержательно «разводятся» в том числе и на формально-логической основе. Вряд ли обоснованно переносить обязанность «реализации» сущности права, условно говоря, только на его форму, отражающую преимущественно его структуру.

Такая абсолютизация роли «формы права» в процессах реализации его сущности является одновременно игнорированием массы других способов реализации права через его функции, юридическую деятельность, юридические технологии, наконец, через принципы права, которые даже в формально-юридическом аспекте могут реализовываться в порядке «прямого действия».

Интересным представляется достаточно сложный вопрос о целесообразности совмещения формационного и цивилизационного подхода к исследованию права, который обсуждается в юридической науке. В сугубо абстрактном мышлении можно совместить все, а при большом желании не совместить ничего. В исследовательской практике, к сожалению, мы часто сталкиваемся с ситуацией «мух и котлет».

Каждый подход имеет свои задачи и свои способы их решения. Его использование зависит от особенностей предмета исследования. Специфика подхода и метода исследования должны быть адекватны этим особенностям предмета исследования. Формационный подход, как это уже обосновано в научной литературе, несовместим с цивилизационным подходом по существенному различию исследовательских установок, особенностям применяемых при его использовании средств и приемов. Это не означает запрета на применение формационного подхода. Как отмечают В.А. Бачинин и В.П. Сальников, методология, обслуживающая этот подход, перешла «из разряда универсальных в группу правомерных аналитических средств», не утративших «научно-теоретической легитимности», и «при необходимости может быть востребована любым исследователем для решения конкретных познавательных задач» [2].

Одновременно следует отметить, что и цивилизационный подход в правовых исследованиях не заменяет и не может заменить всю систему сложившейся методологии научного познания, и с этой точки зрения он тоже не является универсальным. Очевидно другое, есть весьма важные, но практически пробельные с точки зрения их изучения сферы правового развития общества, полномасштабное познание которых не может быть осуществлено без применения данного подхода. Его необходимость

со всей очевидностью обнаруживается на высоких уровнях познавательной деятельности.

Трудно согласиться и с критическим отношением к категории меры, уместность включения которой в общее определение права подвергнута сомнению. В нашем понимании мера в данном определении как раз не сводится к ее трактовке в рамках соотношения категорий количества и качества, хотя правовые явления могут изучаться и с этой точки зрения. Как отмечал С. Франк, «назначение слова не исчерпывается его функцией быть обозначением понятий: слово одновременно есть орудие осмысляющего духовного овладения опытом в его сверхлогическом конкретном существе» [3, с. 78], что в данном случае позволяет преодолеть ограниченность метода определения понятий и отразить конкретность права в предельно возможном обобщенном виде.

Термин «мера» в данном определении является обозначением *целостности, «полносоставности»* права, включающим как «количество и качество» права, в снятом виде содержащееся в его принципах: свободе, справедливости, равенстве и ответственности и в более конкретизированном виде – в «особенном» и «единичном» в праве.

Эти особенности «меры», разумеется, не могут подробно описываться в общем определении права, но при необходимости, в конкретном процессе познания мера может отражать целостность права на отмеченных выше трех уровнях его осмысления, опирающуюся не на обособление, а на взаимопроникающее их взаимодействие, которое может быть выражено на «сверхлогическом» уровне, как это делается в поэзии и религии, но не запрещено и в науке, хотя, как говорится, «не всем дано».

Движение от критики существующего знания к более совершенному и необходимому долгое время обеспечивалось почти исключительно рассудочным мышлением, что сформировало в нашем сознании образ его могущества. Однако уже давно назрела необходимость осознать и его коварство, проявляющееся в торможении правового мышления, уже давно стремящегося вырваться из его «железных» объятий, в формировании новых и поддержании старых иллюзий о праве за счет создания недееспособных образов, заменяющих собственно право разнообразными, более или менее удачными его суррогатами. Ведь речь идет о качестве человеческой жизни, в которой суррогаты воспринимаются в лучшем случае как неизбежное зло, которого не должно быть, или быть как можно меньше. Настает время господства правовых ценностей, которое имеют тенденцию, реализуясь, превращаться в социальные блага, являющиеся неотъемлемой частью высокого качества жизни.

Литература

1. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / Перевод *С.В. Лёзова, Ю.С. Пивоварова* Отв. ред. *В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович*. М., 1987.

2. *Бачинин В.А., Сальников В.П.* Правовая реальность в контексте мировой цивилизации и культуры: методология причинного анализа. СПб., 1999.

3. *Франк С.* Реальность и человек. М., 2007.